

Элла Рэйн

Брачное путешествие

Только мы вышли из перехода в парадной городского дома, как нас встретили радостные Каролина и Бруно, а откуда-то сверху посыпались лепестки роз.

Я подняла голову, над нами летали серебристые Люций, Цирцея и Герберт, а между ними кружились лепестки, которым они то придавали ускорение, то чуть придерживали, создавая плавный цветочный танец.

— Люций, ты в оранжерее все розы позволил ободрать, или хоть что-то оставили? — насмешливо спросил Тример.

— Оставили, завтра Видане показывать буду, а это мы неделю собирали, — серебрился тот улыбкой.

— Хозяин, но ведь они и растут там для того, чтобы радость приносить, — вмешалась Каролина, — а так ведь их никто и не видит.

— Я согласен, — улыбался он, обнимая Каролину и отвечая на рукопожатие Бруно, после чего в их объятия попала я.

— Спасибо за теплую встречу, родные, — поблагодарил Ольгерд и предложил мне, — переодеваемся и встречаемся в гостиной, там

должны документы прибыть из канцелярии.

— Да, хозяин, документы уже поступили, — подтвердила его догадку Каролина, и они, продолжая улыбаться, отправились в сторону кухни.

В гардеробной своей комнаты я долго не думала, надела синее платье от Аннет, переплела косу и отправилась в гостиную. Пока не появились гости, о которых предупреждал Ольгерд, нужно было постараться выяснить у него подробности гибели Хурина Мордерата, и потому я захватила из комнаты свиток и карандаш, на случай, если потребуется записать кое-какие подробности.

В гостиной горел камин, Ольгерд сидел за столом, на котором лежала стопка свитков. Я тоже устроилась за столом напротив него, и передо мной появилась папка с документами, а рядом вспыхнул еще один магический светильник. В рабочей зоне стало светло, а массивный дубовый стол с ножками фигурной резки и такие же стулья с гобеленовыми сиденьями и спинками создавали невообразимый уют.

— Вида, вот дело о гибели Хурина. Ты его сейчас изучи, завтра я должен вернуть его в канцелярию. С ним плотно работает Вулфдар, так что надолго забирать дело нельзя. — Тример, с улыбкой наблюдая за мной, вывел из задумчивости.

— Хорошо, я приступаю, — согласилась я,

развязывая папку, и спросила, кивнув на документы, лежащие перед ним, — Ольгерд, тебя даже ранение не освобождает от выполнения служебных обязанностей?

— Родная, ну, я жив, голова работает, — улыбался он, — смысла откладывать их в долгий ящик нет никакого. А потом, целый день в деревенском доме, в покое и тишине рядом с любимой, я отдохнул и готов к дальнейшим трудам по защите империи. Ты чем-то удивлена? Так рассматриваешь комнату, будто появилась в ней впервые.

— Странно, я как-то по-другому увидела гостиную. Раньше она мне казалась большой и оттого полупустой, — пояснила свое состояние.

— У тебя раньше тоже было другое состояние, ты воспринимала ее как место, где появилась в гостях, хотя ощущение, что это твой дом уже присутствовало. Вида, тебя ожидает еще много открытий, многие вещи увидишь совсем в другом ракурсе, и это прекрасно.

Я углубилась в документы дела. Накануне своей гибели Хурин согласился принять несколько адептов финансового факультета Академии Радогона Северного, желавших пообщаться с ним по вопросам финансовой политики империи, законопроектах, ждущих своего часа, и возможного трудоустройства в Финансовой канцелярии. Такие

встречи с адептами Академий империи Хурин практиковал последние лет пять, и потому ничего необычного от общения с будущими финансистами империи не ожидалось.

На встречу были допущены шесть адептов с шестого курса финансового факультета, представители богатых семейств империи, список которых был приложен:

- Ангус Ульсон;
- Блейн Морель;
- Гвен Лангедок;
- Кевин Баррен;
- Тристан Амбрелиаз;
- Мердок Зархак.

Встреча проходила в императорском дворце, где у Хурина Мордерата были покои для приема посетителей.

Охрана провела адептов в приемную гостиную, каждого проверили на наличие оружия, а использовать магию в указанном месте было бесполезно: специальное покрытие стен, потолка и предметов, находившихся в гостиной, гасило любое магическое воздействие.

Общение продолжалось час, ровно столько бывший наместник выделял для встреч с адептами. Охрана находилась за дверями гостиной, мимо них во время встречи в помещение никто не входил. А затем двери распахнулись, и довольные встречей и

общением адепты стали покидать помещение. Хурин, провожая их до дверей, пообещал новую встречу ближе к лету, перед защитой юношами курсовых проектов и выхода на практику.

Последним, кто выходил из адептов, был Гвен Лангедок, но не успел он догнать своих товарищей, как раздался стук падающего тела Хурина Мордерата, и охрана, увидев бывшего наместника на полу, задержала юношу.

Допрос всех адептов не дал ровным счетом ничего, в гостиную во время аудиенции никто не входил. Однако вскрытие тела покойного показало, что незадолго до смерти, по мнению целителя не позднее, чем за двадцать минут, на нем появилась царапина от острого предмета, через которую в кровь попал яд, отправивший бывшего наместника в Вечность. По этой причине было решено поместить в казематы Тайной канцелярии Гвена Лангедока, а остальным адептам запретили покидать империю.

Розыскные мероприятия не позволили раскрыть убийство по горячим следам.

Я смотрела на свиток с планом комнаты, где проходила аудиенция. На ней было указано два входа, один — основной, под охраной службы безопасности дворца, но был и другой, из внутренних покоев дворца. Адепты утверждали, что оттуда никто не появлялся. Тогда каким образом

была получена царапина, приведшая к гибели Хурина, было неясно.

Тексты опросных листов адептов едва ль не слово в слово повторяли друг друга, никто не видел посторонних лиц, все сидели чинно на своих местах и общались с главой Финансовой канцелярии. Мердок Зархак вел стенограмму беседы. Ее расшифровали, и следующий свиток представлял собой вопросы адептов и ответы Хурина Мордерата.

Я отложила свиток на мгновение и задумалась, что-то царапало меня, но я пока не могла понять, что именно, и вернулась обратно к допросу адептов. Внимательно перечитывая свиток за свитком, я наткнулась на странный момент в описании гостиной.

Приемная Хурина Мордерата представляла собой квадратное помещение, в котором не было окон. Стены покрыты фактурной штукатуркой терракотового цвета. На них висели картины — наместник был не только покровителем театров империи, но и страстным коллекционером, потому на стенах приемной нашли свое место интересные, но не самые дорогие с точки зрения финансовых затрат произведения малоизвестных художников.

Посредине гостиной находился овальный стол красного дерева в окружении мягких стульев, за которым и располагались адепты. Посреди стола в

низкой глубокой вазе были цветы из императорской оранжереи. Во главе стола стояло массивное дубовое кресло, в нем сидел Хурин, а за его спиной была глухая стена, в левом углу которой — неприметная дверь, ведущая во внутренние покои дворца.

У стены, находящейся за креслом бывшего наместника, стояли огромные вазы в половину человеческого роста с живыми цветами. Все адепты утверждали: ваз было три.

И только Гвен Лангедок настаивал на том, что вместо третьей вазы он видел юную леди невысокого роста, красивую, с длинными белыми волосами. Она гладила покойного по плечу, нежно улыбаясь ему, и Хурин знал о том, что девушка рядом. А потому был очень довольным, разговорчивым и сыпал разными примерами из своей деятельности, как будто желал произвести впечатление.

Адепты Мердок Зархак и Кевин Баррен на вопрос следователя о том, что из себя представляет тот или иной адепт — такие вопросы были заданы всем — заявили, что Гвен Лангедок отличается бурными фантазиями, тщась доказать всем, что он — истинный представитель своего рода, но на самом деле являет собой пустышку, злоупотребляющую различными травками. По их мнению, эти усилия адепт прикладывает по

причине своего внебрачного рождения и комплекса неполноценности.

Кроме того, как утверждали адепты, Гвен сам задержался в приемной Хурина, тогда как тот настаивал на том, что Хурин попросил его задержаться, чтобы задать вопрос, после которого и отпустил юношу. А если учесть, что за статьями в «Дамском угольнике» о финансовых проблемах империи стоял Гвен Лангедок, несмотря на его утверждение, что он не имеет к этому никакого отношения, он и был заключен под стражу.

Характеристика адепта Гвена Лангедока гласила: юноша очень замкнутый, плохо идет на контакт с окружающими, много усилий прикладывает к учебе, вследствие чего является одним из лучших студентов Академии, близких друзей не имеет, крайне недоверчив. Отношения с отцом, который признал его в возрасте двенадцати лет, сложные. Юноша уважает его, относится к нему с почтением, но речи о любви и теплых отношениях не идет. В имение отца за время учебы отправлялся один раз, на свое совершеннолетие, в остальное время отказывается. Особых даров за юношей не замечали.

Я вчитывалась в протоколы допросов адептов, и меня не отпускало ощущение: что-то в них не так. Нет, прямо под запись ни один из них не сказал, что Лангедок — лжец, но фразы о том, что он фантазер

и давно путает реальность с вымыслом, проскальзывали у всех. Намекали о его увлечении травяными сборами, рождении от матери-ведьмы и интересом к колдовским практикам. Однако слов из песни не выкинешь, в характеристике Гвена Лангедока, данной куратором и завизированной ректором Дарием Киrom, было черным по белому написано: у адепта прекрасная физическая подготовка, которую он поддерживает регулярными занятиями.

Ну и что это значит, скажите Вы? Да то и значит: адепты лгали об увлечении Гвена травками — ну не может человек, зависимый от травяных сборов, иметь хорошую физическую форму, это я как адепт лечебного факультета утверждаю.

Итак, какова реальная характеристика адепта Гвена Лангедока в моем понимании? Замокнутый, одинокий, с прекрасной физической формой и хорошо образованный.

Мда... похоже, юноша имеет дар, подобный моему, и потому скрывает его от всех, осознавая, что есть силы, готовые поставить его на службу себе, сделав Гвена игрушкой в руках противоборствующих сторон. Отсюда и замкнутость, и поддерживаемая физическая форма. Странно, а почему его не услышали? Кто занимается этим делом в Тайной канцелярии?

На всех остальных адептов характеристики

были довольно лестные: любимые сыновья, талантливые адепты, не такие упорные, как Лангедок, но тем не менее, добрых слов у куратора для них нашлось немало.

— Ольгерд, — я оторвалась от свитков и заметила, что он с доброй улыбкой наблюдает за мной, — а тебе не показалось, что адепт Лангедок — этаким козел отпущения? Смотри, юноша на этой встрече был заслуженно, но среди чужих людей. Я внимательно прочитала и перечитала протоколы допроса адептов, и сложилось впечатление, что они все свалили на него. Ни у кого — ни у куратора, ни у адептов — не нашлось даже доброго слова про Лангедока, и при этом куратор утверждает, что юноша много усилий прикладывает к учебе.

— Родная, тебя только это задело?

— Нет, не только. А если он действительно видел леди, не значит ли это, что у юноши дар, подобный моему? И тогда становится понятным его замкнутость, отсутствие друзей. Проблема доверия встает в полный рост, он должен скрывать свой дар.

— Прекрасно. Я с тобой согласен, что еще тебя заинтересовало? — спросил он, а глаза поблескивали так загадочно, будто я что-то важное открыла или подтвердила.

— А адепт Мердок Зархак, он не племянник Амилен и Ричарда Зархак?

— Да, он их племянник. Единственный сын Роберта Зархака, старшего брата Амилен и Ричарда, — пояснил супруг.

— Какая интересная история получается. Род Лангедоков считается поддержкой императорской семьи, и вдруг его представитель обвиняется в гибели Хурина Мордерата, а род Зархаков, играющий против Мордератов, в этом случае совсем не при чем, в сторонке стоит и нервно ручки потирает? — удивилась я, — нет, здесь что-то совсем не так. Это подстава, самая настоящая. Я бы скорее поверила, что за статьями в «Дамском угольнике» стоит леди Амилен Зархак, которая вполне могла сама под личиной адепта Лангедока передавать статьи репортеру или через доверенное лицо.

— Хочешь с ним пообщаться, — неожиданно спросил Тримеер, — завтра в присутствии Вулфдара и меня? Все следователи делами перегружены, потому и ляпы допускаются.

— Да, очень! Ты позволишь?

— Я думаю, что это возможно. То есть ты предполагаешь, что у юноши дар, — задумчиво сказал он, — и почему-то меня это не удивляет. Род древний, кровей намешано разных, не счесть. Да и отец Гвена не просто так признал мальчика. Похоже, что в какой-то момент способности прорываться стали.

— А представь, что его наказывать начали в детстве, чтобы он нигде и никому ничего не сказал или не показал, — поддержала я, — поневоле закрываться начнешь.

— Любимая, все хотел спросить: а как деда и отец относились к тому, что ты владела природной магией?

— Ольгерд, а кто им об этом говорил? Я заклинания, что у Лешика и Кимы подглядывала, на чердаке опробовала. Туда уйду, закроюсь и сажу, колдую, — объяснила ему, — они меня сразу предупредили, чтобы никто не видел.

— Хозяин, к Вам леди Виргиния, — раздался голос Герберта.

— Проси, — мгновенно отозвался Ольгерд и мне, — все, родная, с расследования пока закончено.

Он взмахнул рукой, и все наши свитки мгновенно свернулись и улеглись в невесть откуда взявшуюся коробку, кожаная крышка которой беззвучно захлопнулась, как только в ней оказался последний документ. Сверкнул медный ключик, закрывший ее на замочек, и коробка исчезла с глаз долой, а на столе появились белая ажурная скатерть и ваза с роскошными белыми астрами. У меня от неожиданности округлились глаза, но на удивление времени не было.

Дверь в гостиную распахнулась, на пороге

стояла пожилая леди в коричневом бархатном платье, отделанном желтыми кружевами ручной работы. Седые волосы аккуратно зачесаны назад и собраны в замысловатую прическу, бриллиантовые серьги в ушах, спокойное лицо и очень внимательный взгляд, направленный на нас. В гостиную входила леди Виргиния, та самая, чей портрет висел на стене гостиной и которую я увидела во сне рядом с леди Сивиллой, покойной Региной рода Блэкрэдсан. Вместе с ней в гостиную вошел Маркес, личный целитель Ольгерда Тримеера.

— Добрый вечер, леди Виргиния, Маркес, — Ольгерд учтиво наклонил голову, — очень рады вас видеть.

— Добрый вечер. Ольгерд, извини за вторжение, но я захотела увидеть таинственную леди Тримеер до того, как ты соберешься мне ее представить, — улыбнулась она, — как я понимаю, ждать пришлось бы долго. Зная твой собственнический характер, я не удивлюсь, что до летнего бала леди Тримеер во дворце не будет представлена. Ну а если к тому времени появятся обстоятельства, дающие хоть один шанс этого избежать, ты им воспользуешься.

— Добрый вечер, проходите, — пригласил Тримеер, и кресла развернулись к гостям, меня взяли за руку и усадили рядом с собой на диван,

который также развернулся внутрь гостиной. И я начала рассматривать появившихся гостей, параллельно обозревая гостиную с другого ракурса.

Леди Виргиния, воистину императорская особа, несмотря на свой возраст, опустила в кресло с прямой спиной, положила руки на подлокотники и царственным разворотом головы перевела взгляд на меня.

— Значит, юная адептка Берг, — неожиданно заулыбалась леди, — ты оставила всех претендентов на руку и сердце с носом, став леди Тримеер. Мне нравится! Ольгерд, ты уже сказал супруге все, что требовалось?

— Хм, а что, была возможность этого избежать? — удивился он, — меня раненым застали и оставлять в том состоянии не посчитали нужным. Конечно, я все сказал, тем более что это единственный человек, которому я готов был доверить тайну своего рождения.

— Мой мальчик, так я же не против, действительно рада, что так случилось. Но мне было обидно наблюдать вашу церемонию в состоянии невидимости и не иметь возможности подойти поздравить. Вот нечестно так было поступать, — высказалась она, — такая потрясающая, интригующая, я вообще первый раз такое видела. Да мне очень хотелось подойти с поздравлениями, тем более что других

наблюдателей не было.

— Так... — зловеще произнес Тримеер, — и кто такой разговорчивый? Неужели Тревор?

— Да нет, — прошептала я, — скорее это лорд Британик.

— Ух ты, — восхищенно произнесла леди, — а ведь ты еще юная, читать мои мысли не в состоянии. Ольгерд, а наша очаровательная леди все знает?

— Бабушка, ты сейчас о чем? — спокойно спросил Тримеер. — О той малышке, за которую принимали Видану? Ну да, она ее сразу назвала, как только я Видану из лечебницы забрал. Сама понимаешь, обсуждать такие моменты в лечебнице Академии не станешь, а дома оказались, и вопрос сразу был озвучен, кем мне приходится одна адептка Академии Магических искусств.

— Вы знаете, кто она? — прошептала леди Виргиния, покрываясь пятнами и начав потирать камень массивного кольца, — не молчи, Ольгерд, пожалуйста.

— Тамила Рамон, — ответил он, — Видана лечила ее по осени и все увидела.

— Какое счастье, какое счастье! Девочка находилась всегда рядом, перед вашими с Эрмитасом глазами, но почему вы раньше не смогли ее вычислить? — требовательно спросила она.

— А каким образом? — спросил Тример, — вариантов не было. Только искать и ждать когда кто-то увидит девушку в состоянии жара или чего-нибудь еще.

— И что, ты молчала все это время? Никому не сказала о своем открытии? — удивленно начала леди и замолчала, лорд Тример обнял жену и прижал к себе.

— Бабушка, а Видана должна была пойти и растрезвонить всей Академии? Я не понял твоей реакции. Они вообще-то сестрами считают друг друга. Тамила в Академии все это время могла учиться только потому, что рядом была Видана.

— Я слышала эту историю, но, Ольгерд, это так непривычно в магическом мире, — несколько ошарашено заявила леди. — Нет, конечно, дружбу никто не отменял. Но, во-первых, я не припомню такой женской дружбы. Во-вторых, сам подумай, какие деньги Видана могла заработать, разгласи она эту информацию.

— Странно, — тихо сказала я, — а как же кукла, оставленная Вам леди Сивиллой и драгоценности рода Блэкрэдсан, спрятанные в Вашем будуаре? Что это как не женская дружба?

— Видана, а откуда ты об этом узнала? — спросила леди, — та история неизвестна никому. Даже я не знала, где спрятаны драгоценности рода Блэкрэдсан... она не сказала мне об этом.

— Видение, — ответила я, — во сне. Вы были намного моложе, а Сивилла уже в возрасте.

— Сивилла Блэкрэдсан — моя любимая тетья, — произнесла леди Виргиния и добавила, — как удивительно, тебе открылись такие подробности. Хотя почему я изумляюсь, это тайна для всех, но не для наследника.

— Бабушка, у Виданы есть предположение, и я с ней полностью согласен, что шестнадцать лет назад у императора появилось двое внебрачных детей, а не один, как мы думали раньше.

— Что? — изумилась пожилая леди, с недоумением воззрившись на меня, но по мере того, как она обдумывала услышанное, ее лицо становилось потрясенным. — Какая невероятная версия... но какая честная. О, Черная Луна, а ведь девочка права, абсолютно права! Только так можно объяснить все случившееся. И кто вторая девочка, Ольгерд?

— Бабушка, — он немного помолчал, — а это не девочка. Амилен Амбрелиаз родила сына Георга.

— Что? — глаза леди стали огромными от ужаса, и она прошептала, — мальчик мой, скажи, что ты пошутил... ну пожалуйста...

— Такими вещами не шутят. Вспомни все, что случилось шестнадцать с половиной лет назад, и ты согласишься, — ответил внук, — и меня все происшедшее совсем не радует, но это реальность,

от которой нам никуда не деться.

— Погоди, а разве она жива? Если мне не изменяет память, Амилен пропала по дороге в гарнизон к мужу. И ее признали пропавшей без вести, в противном случае так и был бы лорд Амбрелиаз соломенным вдовцом, а не счастливым мужем Генриетты Тримерер.

— Хм... живее всех живых, — усмехнулся Тримерер, — юноша учится в Подлунном Королевстве, в Академии Януса Змееносца на финансовом факультете. И его никогда не видели больным, лежащим в постели, мать этого не допускала. Тебе ни о чем это не говорит?

— Ольгерд, и как вы докопались до всего? — требовательно начала леди Виргиния, он хотел что-то сказать, но я опередила его.

— Леди Виргиния, но титул первой ищейки империи дается не за красивые глаза, он его и оправдывает, — и погладила мужа по руке. Вот не нужно никому говорить о моем участии во всем этом. За что получила поцелуй в висок.

— Хорошо, у нас будет время поговорить об этом, Ольгерд. Думаю, что не стоит Видану нагружать лишней головной болью, — решила леди и попросила меня, — расскажи мне о Тамиле. Вы с ней очень хорошо знакомы?

— Да, леди Виргиния, мы вместе с первого курса, со вступительных испытаний. Наши комнаты

рядом, домашние задания мы делаем вместе. Тамила очень красивая девушка, нежная, воспитанная и добрая. Не очень уверена в себе, не последнюю роль в этом сыграла семья. Судя по тому, что мне рассказывала она сама, ее любят, но не забывают напомнить, что она просто полукровка и рассчитывать на серьезную брачную партию Тамиле не стоит. Этим летом ей поставили задачу заключить помолвку до окончания академии, адептов у нас много. Если семья сказала, она прислушивается, так как считает, что они правы. Из нее получится прекрасная хозяйка, она многое умеет: шить, вышивать, вязать. Очень талантливая рукодельница. Тамила будет очень хорошей матерью, что у нее не отнять так доброту и любовь к окружающим.

Пока я говорила, в комнате стояла тишина, на меня с изумлением смотрела леди Виргиния, с доброй улыбкой Маркес, а супруг обнимал, не обращая внимания на гостей.

— Мой мальчик, ты не зря ждал столько лет. Поверь, я давно ничего подобного не слышала из уст женщины о женщине. Но что Видана будет делать после окончания академии, такую нельзя просто посадить дома и заставить заниматься детьми, балами, — проговорила леди, — ты уже решил, чем она займется?

— Бабушка, мы все решим, не переживай.

Пропать талантам Виданы не дадим, найдем применение, — заулыбался он.

— Так может фрейлиной? — предположила леди. — Во дворце нужны умные, образованные леди. Я уже устала ввязываться в разборки между этими избалованными девчонками, когда в осенний или весенний период у них начинается, кто из них краше, а кто умнее...

— Нет, и никогда больше не поднимайте это вопрос, — мгновенно отреагировал Ольгерд. — Видана не появится во дворце без меня. А для приведения фрейлин в рабочее состояние целая служба имеется, они за это содержание получают, пусть занимаются. Это их задача снимать осенне-весеннее обострение у первых красавиц империи.

— Дорогой мой, я не хотела тебя сердить, — мягко сказала леди Виргиния, — ты даже ко мне в гости не будешь отпускать Видану?

— Даже у тебя Видана будет появляться только в моем присутствии и ни как иначе, — его лицо побледнело.

— Ольгерд, — прошептала леди Тример, — не сердись, без тебя я буду только в Академии и дома. Успокойся, пожалуйста.

— Видана, как Вы себя чувствуете? — вслед за мной Маркес постарался разрядить обстановку, — голова не кружится?

— Да нет, все в порядке, я большую часть дня спала.

— Ну и хорошо, — обрадовался он, — сон — лучшее лекарство.

— Все, дети, нам пора, — лукаво улыбалась леди Виргиния. — Видана, и кого прикажешь за Локидса замуж выдавать? Отказала мальчику, а он был настроен очень серьезно.

— Ну, думаю, что сейчас он еще более серьезно настроится. Если я не ошибаюсь, Тамилу Рамон он без боя никому не отдаст.

— Хм, — леди, поднявшись, после моих слов села обратно, — и ты считаешь это правильно?

— Мне кажется, это будет очень хорошая пара, — подтвердила я.

— Я подумаю над твоими словами, — серьезно ответила Регина рода Мордерат, — ну, ты же понимаешь, она императорская дочь...

— Во — первых, внебрачная дочь, а значит, распространяться об этом никто не будет. Во — вторых, с ее глазками за пределы Вашего рода девушку лучше бы не отпускать. А в — третьих, там большие симпатии друг к другу. Есть ли смысл их разлучать? Тем более Локидс ставит перед собой на будущее такие серьезные задачи, как поддержка власти со стороны Финансовой канцелярии. На мой взгляд, стоит сделать ему подарок — женитьбу на Тамиле, если они этого пожелают. В этом случае,

такого союзника уже никто не перетянет на другую сторону.

— Родная малышка, — прошептала леди, — вот тебя бы я сделала своей преемницей, если бы это было возможно.

— Леди Виргиния, присмотритесь к Тамиле, — попросила я, — не мне рекомендовать Вам преемницу, но она очень подошла бы на эту роль. Правда.

— Ольгерд, я хочу видеть вас с Виданой у меня в гостях. Не отказывай, мой мальчик. И позвольте распрощаться, нам действительно уже пора.

Мы попрощались, и леди Виргиния с Маркесом покинули нас. А лорд, подхватив юную супругу на руки, закружил по гостиной.

— Ну, хулиганка, — прошептал он, — Локидс еще руки Тамилы не попросил, а ты уже их судьбу решила. Ай-ай-ай, леди Тримеер, а ты понимаешь, что следующий, кто тебе предложит стать преемницей, станет Гертруда Тримеер?

— Лорд Тримеер, поживем-увидим, — поцеловала мужа хулиганка, — мы сейчас чем займемся?

— А чем хочешь? — улыбался он, — можем просто поужинать и еще немного с делами поработать, а можем родителей навестить. Они здесь, в городском доме. Чего моя леди пожелает?

— Давай их навестим, — предложила я, — а то сегодняшней прием был слишком холоден, обрадуем деда с бабушкой.

— Умница, — ответил он поцелуем, — давай навестим ненадолго. Не удивлюсь, что там вся компания в сборе: родители, родители мамы, Альбер с Тарией, а может, и бабушка.

Мгновенно образовался переход, и продолжая держать меня на руках, Тример вступил в него. Через некоторое время полет замедлился, и мы вышли в ярко-освещенной парадной. Навстречу нам спешил пожилой мужчина.

— Лорд Ольгерд, леди, как я рад вас видеть. Мои самые искренние поздравления с бракосочетанием. Проходите, хозяева в гостиной, сегодня праздник, и дом полон гостей.

Из парадной мы поднялись на второй этаж и остановились перед дверью, из-за которой пробивался свет и слышались веселые голоса.

— Ну вот, родная моя, все как я и говорил, — улыбаясь, сказал мой лорд и толкнул дверь.

Мы оказались в гостиной. На стенах, которые были оклеены розовыми обоями с серебристыми вертикальными полосами, висели картины с натюрмортами из цветов и фруктов. У глухих стен располагались два массивных дивана с нежно-лиловой обивкой и такими же подушками. Посередине гостиной большой круглый стол под

скатертью лилового оттенка, ломящийся от кушаний, вокруг которого сидели знакомые мне и незнакомые представители семейства Тримееров.

Вначале наступила тишина, а затем раздался счастливый голос деда, который поднялся из-за стола, приветствуя нас:

— Они прилетели, мы не зря собрались.

За столом в гостиной действительно находились лорд Генрих и леди Амилен, рядом с ними пара пожилых людей, как я поняла, родители бабушки. Альбер и Тария, леди Гертруда, Минерва с Рэндолом, но кроме этого еще и Генриетта с лордом Амбрелиазом.

Тария подскочила и, не обращая ни на кого внимания, подбежала ко мне. Обняла и поглаживала по голове, улыбаясь со слезами на глазах.

— Тария, сентиментальность — спутник интересного положения? Ты чего расплакалась? — мягко спросил ее Ольгерд.

— Ну да, заплачешь тут, — подойдя и обняв жену, ответил Альбер, — она как газетенку прочитала, места себе не находила. Я успокаивал, но доказать, что Видана жива, не мог, пока от вас не вернулся и не рассказал все.

— Так вот какова причина отказа женихам! Ольгерд — добыча более серьезная, чем все эти адепты — юнцы вместе взятые? — неожиданно

раздался ехидный голос Генриетты. — Неплохо так, Видана взяла и с носом всех женихов оставила, и ради кого? Ради самого Ольгерда Тримеера, его сиятельства, его ведь так нисходящие линии называют... Хорошая партия, я аплодирую и нервно в сторонке мотаю слюни на кулак. Вот как Эрмитас готовит в Академии адептов, с ходу с налету определяют кто золотник, а кто — так, фикция.

— Генри, прекрати немедленно, — раздался голос леди Гертруды, — ты от радости ничего умного придумать не смогла, кроме как в очередной раз покусать Видану?

— Я не понял, дорогая моя, — произнес лорд Амбруаиз, — а что тебя обидело? Ты не рада, что твой старший брат женился?

— Тетушка, — устало вздохнула я, не отпуская руки мужа, — а по-другому ты о своем волшебном положении сообщить не могла? Просто сказать: «У меня будет ребенок, порадитесь за нас с Францем». Вот обязательно спектакль устраивать?

— Видана, ты о чем? — удивилась леди Амилен. Лицо Генриетты пошло пятнами, а лорд Амбруаиз и лорд Генрих переглянулись и просияли.

— Как о чем, о ее беременности, о чем еще?

— Родная, пойдем за стол, — Ольгерд обнял

за плечи и повел за стол. Усадив, сел рядом, — Генри, еще одна такая выходка, и ты отправишься в дом Франца. Нет желания общаться, так и скажи, мы уговаривать не станем.

— Ольгерд, не обращайтесь внимания, — попросила леди Гертруда, — мы очень рады, что вы с нами. Только у меня вопрос: ну, а меня почему не пригласили на церемонию? Вот чую я, шикарнейшее зрелище пропустила. И да, — она повернулась к родителям бабушки, — Клеопатра, Теодор, это и есть дочь Артиваль, Видана, а со вчерашнего дня еще и леди Тримеер.

— А мы поняли, — улыбнулся Теодор, — очень рады, что дочка Артиваль с нами и уже никуда от семьи не денется. Со временем мы познакомимся лучше. Генрих про тебя много рассказывал, — обратился он ко мне, — он очень горд своей внучкой.

— А на Амилен не обижайся, — поддержала его Клеопатра, — ее страсть всех женить и выдать замуж неискоренима, ничего поделать не можем.

— Нет, я не поняла, — обратилась ко мне Генриетта, сидевшая с мужем напротив нас, — ты так пошутила, да?

— Генри, я не шутила, ты ждешь ребенка, — ответила я.

— Сына? — заинтересованно спросила она, а лорд Амбриаз радостно заулыбался.

— Тебе соврать или сказать, что не знаем? — неожиданно усмехнулся Ольгерд.

— Но Видана в прошлый раз Тарии сразу пол ребенка назвала, а мне что, нельзя? — запротестовала Генри.

— Так Тария, как я понял, не копалась. Они с Альбером и дочке рады, а ты сразу сына требуешь, — продолжал поддевать старший брат, — девочка, Генри. У тебя будет девочка.

— Ой, какая красота, — расцвела леди Амилен и захлопала в ладоши. — Девочки — это просто прекрасно, я счастлива, у нас появятся две очаровательные малышки.

— Рэндел, ты дуться прекратишь? — раздался голос Минервы, — я с самого начала говорила: Видана нашему мальчику не по зубам. Пожалей Тима и успокойся.

— Да, я расстроен, — заявил лорд Никсон, взяв в руки фужер. — Конечно, я рад, что Ольгерд женился, но расстроен, что на Видане.

— А вот я почему-то не расстроена, что лорд Тримеер не достался той леди, которую кто-то планировал отправить с ним в командировку, — заявила вредная я и поинтересовалась, — и кто бы это мог быть?

Глаза у леди Амилен забежали, она покраснела, лорд Никсон с окаменевшим лицом воззрился на меня.

— О как, — только и вымолвила я. Альбер и Ольгерд начали посмеиваться, — что же он вам такого плохого сделал-то?

— Видочка, а откуда ты о ней узнала? — просипела бабушка, у леди Гертруды округлились глаза, которые она переводила с леди Амилен на меня и обратно.

— Бабушка, а леди та к нам в лечебницу попала. Мы ее в порядок должны были привести для самого волнующего события в жизни — поездки с лордом Тримером. Мда, а ты ее сама-то видела? — поинтересовалась я и язвительно добавила, — леди-то старше тебя выглядит, а ты сына решила осчастливить.

За столом раздался хохот, смеялись Альбер и лорд Никсон.

— Ну, я же говорю, злая ты, Виданка, — посмеявшись, сказал лорд Никсон, ослабляя галстук и расстегивая верхнюю пуговицу рубашки, — леди та моложе Генриетты будет.

— Да я бы так не сказала, — слишком спокойно произнесла Минерва, задумчиво глядя на супруга, — я правильно понимаю, что ты решил натравить на Ольгерда Марицу, заклятую подружку Цецилии Мордерат?

— Ну, а что такого, — невинно уточнил Рэндел, которому взгляд жены, похоже, не нравился, — чем плоха она? Род богатый, леди

неглупа, сообразительна, я и подумал, что для Ольгерда партия достойная.

— Нет, ничего, — ледяным тоном отпарировала Минерва, — я бы вас всех, начиная с Амилен, отправила на койку в лечебницу к Таршу, если кто-то рискнул только озвучить такую партию для Ольгерда. А потом, Рэндел, ты действительно клюнул на приманку Амилен, что Видана при таком раскладе достанется Тиму? Это ты зря, мой родной. Бьюсь об заклад, что уже на этих выходных на юбилее у Барнаусов шла бы речь о помолвке Карла Барнауса и Виданы. Кстати, мы тоже приглашены, ты не забыл? Наша задача — по крайней мере, я ее так вижу — защитить Амилен от нападок Витален, поэтому мы должны быть.

— Тетушка, успокойся, — улыбнулся Ольгерд, — спасибо за заботу. Все, наверное, подзабыли брак Латоны с Дарием Киром? Рэндел, поверь, таких как Дарий в империи много. К счастью, ни я, ни Видана, больше не представляем никакой ценности для свахи всея империи. Матушка, ты аккуратнее в следующий раз, а то клиентура обидится и начнет выбирать другое направление. Свах в империи достаточно, на любой кошелек и прихоти.

— Амилен, — раздался насмешливый голос Рэндела, — а ты не хочешь развеять сомнения Минервы? Она не первая, кто открытым текстом

мне заявил, что ты моими руками пытаешься женить Ольгерда, а Видану свести с Карлом.

— Рэндел, как ты можешь верить в такие поклепы, — заявила бабушка, покрываясь красными пятнами, за столом все покатались от хохота. Особенно смеялись ее родители, которые неожиданно стукнули друг друга по поднятым ладоням, как будто завершили какое-то пари. И лорд Теодор подмигнул Ольгерду, в глазах которого заплясали насмешливые искорки.

— Моя душечка Амилен, но ведь именно это вы с Витален и запланировали, — вмешался дед, довольно улыбаясь мне, — они подготовку к свадьбе начали, разве не так? Нет, все-таки какое счастье, что ваши с ней планы разрушены и наша девочка с нами, навсегда.

— В таком случае, я безмерно счастлив, что Виданка вышла замуж за Ольгерда, — заявил лорд Никсон, вальяжно развалившись на стуле и плотоядно поглядывая на жену, — еще не хватало, чтобы нас Барнаусы обходили, не правда ли, любимая? Альбер, будь другом, налей мне шампанского, я выпью за эту самую загадочную пару в семействе Тримееров.

— А, кстати, — весело спросил Альбер, — брат, ты в курсе, шеф-повар Академии Бохус с Инарой Салбазар помолвлен. Это действительно так? Мне тут шепнули по секрету, что провернула

такую операцию леди Тримеер. Ювелирная работа, если учесть, как их неоднократно пытались заманить в разные брачные партии с момента окончания вами Академии и ни у кого не получилось.

— Альбер, ты о чем? — удивилась леди Амилен, — Бохус и Инара Салбазар? Какой кошмар, я ничего такого не проворачивала. Это поклеп, такое просто невозможно.

— Мама, а ты здесь причем? — продолжал веселиться Альбер, — речь вообще не о тебе идет. Ты же не одна леди Тримеер в империи.

— Да ладно, Альбер, — попросил старший брат, — успокойся, а то мама сейчас переживать начнет, клиентов уводят посреди бела дня, прямо из-под носа.

— Так, а у меня вот такой животрепещущий вопрос: кто поспособствовал помолвке Артура? Нас завтра приглашают на свадьбу, и мне интересно, почему знакомство Артура с его будущей супругой прошло мимо меня? — поинтересовалась бабушка и требовательно добавила, — но при этом говорят, что знакомство произошло благодаря леди Тримеер. Меня тут поздравляли с такой удачей, а я и сказать не могу ничего. Просветите, кто это был на самом деле.

— Мама, — довольно хмыкнул Альбер, — тебе не соврали, это работа леди Тримеер. И мне

так нравится наблюдать, как Виданка тебя аккуратно обходит, будто всю жизнь только сватовством и занималась.

— Видана? — удивилась бабушка, — и почему ты решила этим заняться?

— Бабушка, да я и не думала об этом, — честно ответила я, — и вообще не понимаю, как все это происходит. Ты конкуренции боишься? Не переживай, не уверена, что буду этим заниматься в дальнейшем. Просто так все неожиданно случилось.

— Э, нет. Я думаю, что продолжение последует и еще какое, — рассмеялся довольный Альбер. — Мама, начинай готовить преемницу, у Виданки получится.

— Альбер, это ты усилия прикладываешь, чтобы меня к расследованиям не допускали? — поинтересовалась я, заметив улыбку в глазах супруга.

— Виданка, вот зачем тебе это нужно? — начал Альбер, — не женское дело преступников искать. Лучше занимайся мазями, кремами, помолвками. Благодарных леди будет больше, а расследования оставь мужу. Мы переживаем. Ты же не остановишься, пойдешь до конца, а это опасно. Вот что в деревне случилось, почему тебя пытались убить? Это с чем-то связано, я понимаю, что попытка собрать досье на тебя обречена, сразу

упремся в заместителя главы Тайной канцелярии, а он всем головы пооткручивает.

— Альбер, не переживай, муж сам разберется, чем позволить Видане заниматься, а чем не стоит, — посмеивался Ольгерд.

— Ха, Альбер, — донесся возмущенно-довольный голос Рэндела, — не поверишь, я отдавал по осени распоряжение такое досье собрать, так мне Кир такую информацию на стол положил, что я не знал то ли посмеяться и в мусорное ведро выбросить, то ли его сразу уволить за непрофессионализм. И да, все уперлось в Ольгерда. Он рявкнул так, что у всех желание собирать досье на Виданку отпало раз и навсегда. Потому и проморгали появление наследницы рода Блэкрэдсан. Мы ее когда с Минервой в театре увидели, я дар речи потерял, вот она — наследница. А ведь мне на встречах во дворце так мягко намекали, причем неоднократно, найти ее или его. У нас в кулуарах до сих вспоминают, как Анар и Кир эту деву обнаружили у тела Модеуса. Ну да, Тимуле ты точно не по зубам, — завершил он пространную тираду, — хотя жаль, такую невестку упустили. Мне сестра мозг за это еще выключет, вот только вернутся с мужем из очередной экспедиции, и примется за любимую женскую забаву.

— Ольгерд, а я серьезно думала, что Видана твоя дочь, — неожиданно невпопад произнесла

Генри. Она сидела и задумчиво ковырялась в своей тарелке. — Как странно, высший свет столько лет потихоньку обсуждал это. Спорили, признаешь ты ее или нет. А ты взял и женился на ней. Вот только представь, какой шок сейчас у всех.

— Генриетта! — начал было лорд Генрих, но все стали знаками показывать, мол, не нужно останавливать, с беременной женщины чего взять, пусть говорит, что хочет.

— Давайте лучше другую тему обсудим, раз мы все здесь собрались, — попросила леди Гертруда, — осенью ожидаем рождения двух малышей. Партии сразу подбирать будем или подождем несколько лет?

— Бабушка, девочки еще не родились и потом пусть немного подрастут, прежде чем такие вопросы поднимать, — высказал свое мнение Альбер.

— Я полностью поддерживаю тебя, — сказал Ольгерд, — вопрос о помолвках преждевременен.

— А я думаю, об этом нужно думать уже сейчас, — не согласилась леди Амилен и обратилась к Альберу, — как сложно решались вопросы относительно ваших брачных партий. Я вспоминаю, и плакать хочется.

— Интересно, а по какому поводу, — ухмыльнулся он, — лично я просто счастлив, что меня в пеленках не помолвили ни с кем. Тария, —

обнял он сидящую рядом жену, — самое лучшее, что могло со мной случиться. Думаю, и Ольгерд не переживает, что не женился до такого возраста.

— Девочки — другое дело, — уперлась бабушка, — с ними все сложнее, не то что с вами, мальчиками. Я настаиваю на подборе брачных партий как можно раньше.

— Дорогая Амилен, в твоих словах есть смысл, — задумчиво сказала леди Гертруда, — подождем год и начнем подбирать партии для помолвки.

— Бабушка, — вспыхнул Альбер, — это наша с Тарией дочь, мы и решать будем.

— Альбер, не сердись. Как Регина рода я забочусь о его будущем, — ответила та, — последнее слово останется за мной. Амилен начнет подбирать партии через год.

— Нет, не мама. Партию для нашей дочери будет подбирать Видана, — потребовал внук, — в противном случае, разрешения не дам. Тем более что она дала слово стать крестной матерью нашей малышки.

— Альбер, ты не доверяешь мне? — обиженно поджав губы, спросила леди Амилен. — А изволь спросить, почему? Тебе была подобрана плохая партия? Да и с Генри вроде все хорошо получилось. И Эдвард с Ирмой очень красивая пара, они подходят друг другу.

— Мама, а то я не в курсе, что моя женитьба на Тарии — заслуга Ольгерда, — отпарировал Альбер. — И на балу я видел, кто свел Эдварда с Ирмой, тебе оставалось только с родителями обоих мило улыбаться. Впрочем, как и Генри с Францем.

— На что ты намекаешь, — рассердилась мать, — что я плохая сваха?

— Амилен, успокойся, — заулыбалась леди Гертруда, — дело не в том, что ты плохая сваха. Совсем нет. Альбер ясно высказал пожелание, я его услышала. И если Ольгерд не будет противиться, предлагаю это дело поручить Видане.

— Бабушка, я не против, но последнее слово за Виданой, — согласился Ольгерд, — заставлять ее не буду.

— Леди Гертруда, а Вы себе преемницу не планируете подбирать и готовить? — поинтересовалась бабушка.

— А что, у тебя есть предложение, моя дорогая? Готова выслушать и рассмотреть, — заинтересованно ответила Регина, — вопрос такой стоит и довольно давно. Я всех перебрала по линиям. Мне тут недавно рассказали, как сменили Регину рода Блэкрэдсан... Удивительное действие, и ведь как только решимости хватило.

— А что, — поинтересовалась леди Амилен, за столом была тишина, — разве возможно сменить Регину? Это кто такое сотворил?

— Амилен, у них Регину давно менять нужно было, — поведала леди Гертруда. — Я не забыла, как она отказалась встретиться со мной, когда решался вопрос брака Альбера с Тарией. Некрасивая была ситуация. А новая Регина, леди Стефания Блэкрэдсан, пригласила нас, связанных с их родом, на ужин. Мы очень хорошо пообщались, милая леди и достойна своего звания, нам всем она очень понравилась. Уверена, она сумеет остановить разрушение рода. Так какая у тебя кандидатура, дорогая?

— Генриетта, конечно, — улыбаясь, заявила бабушка, — а кто еще может стать твоей преемницей?

— О нет, только не это. Пожалуйста, — попросил Франц, — я против такого расклада.

— Я тоже не согласен с такой постановкой вопроса, — заявил Альбер, подкладывая супруге салат. — Если Генри станет Региной, то мы получим такую головную боль, что Амалия Блэкрэдсан светочем родовой магии покажется.

— Амилен, ну зачем ты вешаешь на Генриетту ношу, которая ей совсем не по силам? — спросил лорд Теодор, — твоя любовь к ней, наоборот, должна уберегать от таких опрометчивых шагов.

— Ты прав, Теодор, — подключилась леди Клеопатра, — Амилен, мы понимаем, ты желала,

чтобы Генри стала твоей преемницей, не получается. Так тем более, не стоит девочку впрягать в другое, еще более серьезное дело. Ну, вот нет у нее таких талантов и что с того? Пусть живет спокойно, деток мужу рождает и дом ведет, оставь ее в покое.

— Ольгерд, а ты почему молчишь? — поинтересовался Рэндэл Никсон, — и да, Видана пусть начинает подбирать партию Тиму. Хорошую, добрую девушку и богатую.

— Да, сын, почему ты молчишь? — расстроено спросила бабушка. — Ты поддерживаешь кандидатуру сестры? А Вы почему, леди Гертруда, улыбаетесь, последнее слово не за ними.

— Нет, мама, — спокойно ответил старший сын, — я поддерживанию мнение Франца и Альбера. Генри не будет Региной нашего рода, точка.

— Амилен, ты абсолютно права, — согласилась Регина, — последнее слово за мной. Но все дело в том, что я согласна с нашими мальчиками, не Генриетте быть моей преемницей.

— И кого ты выбрала, мама? — спокойно спросил дед, — я тоже думаю, Генри не потянет, слишком сложно для нашей девочки.

— Генрих, я присмотрела, — улыбнулась леди Гертруда, — как только узнала всю историю смены

Регины. Поняла, роду нужна именно она. И я счастлива, что девочка осталась в семье, выйдя замуж за Ольгерда. Своей преемницей я вижу Видану. И считаю, что других вариантов нет.

— Но, леди Гертруда, Видана для такого серьезного дела слишком юная, — сообщила бабушка, — Генри старше.

— Мама, я не желаю быть Региной рода, — неожиданно включилась в разговор Генри, — зачем мне эти проблемы? И потом, я в браке — Амбруаза, род другой. Пусть этим Видана занимается, все равно Регина все вопросы обсуждает и решает с Ольгердом, а они под одной крышей живут. Далеко ходить не нужно, за стол сели, все обговорили, и как его сиятельство решит, так и будет. Последнее слово будет его, Видана против него не пойдет. — Ехидно кинула она брата и спросила, — а правда, что она твоей наследницей несколько лет назад стала? Ты был уверен, что Видана согласится стать твоей женой или ей деваться уже некуда? А может, она еще раньше нас с Тарией ребенка родит?

Старшее поколение с изумлением уставилось на нее.

— Сестренка, а вот это не твоего ума дело, — лениво сообщил старший брат и спросил, — родная, ты мороженое будешь?

Я согласилась, и мне принесли вазочку с

холодным лакомством, посыпанное тертым шоколадом и измельченными орехами.

— Хм, Ольгерд, мне тут шепнули по секрету, что твои юристы иск подали на «Дамский угодник» в защиту чести и достоинства Ольгерда Тримера и Виданы Берг, в замужестве Тример, — спросила бабушка, — говорят, сумма иска запредельная.

— Я правильно понимаю, что они могут избежать уплаты, если назовут тех, кто предоставил эту информацию в редакцию? — хитро уточнил Альбер.

— Да, только им придется очень постараться, — подтвердил Ольгерд, — не просто назвать, а всю цепочку вытянуть и озвучить реальные лица, стоящие за этим. Впрочем, мы и так знаем, кто это. И потому, чтобы избежать оплаты, газетчикам придется выложиться полностью. Но я думаю, что они просто заплатят. Расследований не будет.

— Ольгерд, и куда ты деньги девать будешь? — поинтересовалась Генри, — у тебя их и так не мало.

— Свечной заводик прикуплю, — отвечал брат, которого сместили задаваемые вопросы.

— Ты даже не представляешь, как я разозлилась, узнав, что твоя наследница — Видана. Вот только не поняла, почему? — повернулась она к Францу, — ты не знаешь, что со мной такое?

— Сестренка, а кто у тебя в гостях был в тот момент, когда ты узнала об этом? — спросил Ольгерд. — Кто тебя так накрутил, что ты решилась отправиться ко мне на выяснение отношений?

— Я была у Цецилии, там было еще несколько леди. Мы пили чай, смеялись, и кто-то достал газету, — Генри наморщила лоб, вспоминая событие, — а, Марица. И она возмутилась, мол, Генри, как же так, адептка Видана Берг — безродная девчонка и единственная наследница твоего брата, а не ты... все поддержали ее, я собралась и отправилась к тебе. Сглупила...

— Генри, а давай-ка, сестрица, отчаливай от таких подружек, — посоветовал Альбер. — Ты замужем за боевым магом, а не за прожигателем жизни или альфонсом. Вчера Цецилия очень возмущалась, что Тримеры ее опередили в Храме Черной Луны. Ольгерд Тример и его незнакомка первыми на бракосочетании были. Я был счастлив, хоть там, но эту бесшабашную тетку обошли.

— Да знаешь, Альбер, надоело мне быть бедной родственницей в их компании, — неожиданно выдала Генри, все развернулись к ней с потрясенными лицами. Я поняла, что это впервые. Ольгерд с загадочной улыбкой притянул меня к себе и прошептал, — беременность на сестренку повлияла положительно, что мы еще услышим?

— И вообще, — продолжила Генри, — мы с

Францем возвращаемся через день в гарнизон. Там тихо, спокойно и никаких подруг, желающих богатых мужей и смеющихся надо мной, что я вышла замуж за военного.

— Генри, а какая же ты бедная родственница? — тихо спросила Тария, — Побогаче многих из окружения Цецилии будешь. Мне кажется, что леди тебе просто завидуют. Они ищут какие-то призрачные партии, а ты вышла замуж за достойного мага.

— Они смеялись, что его отправили гарнизоны инспектировать, — поделилась Генри, — и не желали меня слушать, что это очень важно для империи.

— Правильно, Генри, — мягко улыбаясь, поддержал ее старший брат, — это очень важно и необходимо. Я рад, что тебя нет в этой компании. Вот нечего тебе там делать, просто поверь на слово.

— Кажется, они и терпели меня там потому, что ты был нужен, — сказала Генри, — а женился, меня и не пригласят больше.

— Вот уж совсем не велика потеря, — подвела итог леди Гертруда. — У тебя своя жизнь, а у них — своя. И я рада, что ты с мужем отправляешься. Но вот на мой вопрос мне так и не ответили: приемница у меня есть или нет?

— Есть, леди Гертруда, — ответила я, — спасибо за доверие.

* * *

Ранним утром, сразу после завтрака, супруг спросил:

— Вида, ты уверена, что желаешь присутствовать на допросе адепта Лангедока? Может, останешься дома отдыхать и силы восстанавливать после ранения?

— Ольгерд, отдохну попозже. Я очень хочу присутствовать на допросе, такое ощущение складывается, что юношу оболгали, причем намеренно. А он по своей замкнутости и недоверчивости не в состоянии открыться, тем более, следователю.

— Хорошо, родная, убедила. Собирайтесь, леди Тримеер, скоро отправляться.

Переход открылся в вестибюле Тайной канцелярии, поздоровавшись с дежурным, мы прошли по коридору, где пока стояла тишина, в кабинет Ольгерда. Мне было предложено расположиться в уже знакомой комнатке, я села за стол и проверила пометки, сделанные мною накануне.

Хлопнула дверь раз-другой, и в кабинете заместителя главы Тайной канцелярии началось утреннее совещание. Сотрудники докладывали о проведенных накануне мероприятиях, о том, что

удалось выяснить. Спокойный голос Тримера, задававшего уточняющие вопросы, и их ответы, а затем опять хлопнули двери, наступила тишина.

— Видана, — он стоял на пороге, — бери дело, свои записи и переходи в кабинет, сейчас доставят адепта, и начнем допрос.

Я зашла в кабинет, за столом сидели лорд Вулфдар и незнакомый мне сотрудник. Ольгерд сел во главу стола и показал мне на место рядом с собой.

— Леди Тример, — лорд Вулфдар заулыбался, — мои поздравления с замужеством, и выздоравливайте поскорее. Светлая голова нам необходима. Что накопала в деле адепта Лангедока? Знакомьтесь, Кай, — кивнул он незнакомцу, — это наш юный возмутитель спокойствия.

— Я уже понял, — усмехнулся тот, — Кир до сих пор успокоиться не может. Все локти кусает — упустил возможность посвататься к адептке, да еще и старое дело всплыло и выставило его перед юной леди не в лучшем виде.

В дверь постучали и после разрешения Тримера открыли, в кабинет сотрудник ввел юношу, его описание полностью соответствовало рисункам, вложенным в дело. Высокий, худощавый, со светло-русыми волосами и умными серыми глазами на вытянутом лице.

— Присаживайтесь, адепт, — предложил

Тример и добавил, — офицер, подождите за дверью.

Адепт Лангедок сел напротив всех нас и, спокойно положив руки на стол, обвел всех глазами, задержавшись на мне.

— Лорды, так я вроде бы все сказал на прошлых допросах, — спокойно произнес юноша, — мне добавить нечего, и я очень удивлен, что со мной решили пообщаться в такой большой компании даже с участием заместителя главы канцелярии.

— Гвен, может быть, Вы и сказали все, — согласился лорд Тример, — но возникли вопросы, и я думаю, что Вы в состоянии на них ответить. Здесь присутствуют начальник отдела уголовных расследований лорд Вулфдар, следователь Кай, адептка Тример, ну и я, заместитель главы Тайной канцелярии. И так, кто первый задает вопросы?

— Я думаю, раз адептка Тример напросилась здесь присутствовать, значит, у нее появились вопросы. Будет правильным предоставить ей право начать первой, — сказал Вулфдар.

— Спасибо, лорд Вулфдар, — поблагодарила адептка и обратилась к подследственному, — Гвен, опишите, пожалуйста, леди, которую Вы увидели за спиной Хурина Мордерата.

— Адептка Тример, — неожиданно расхохотался следователь, — Вы это серьезно? Вы

действительно внимательно читали дело? Этот молодой человек — травоман со стажем.

— Исключено, — сухо прервала его смех адептка, — как обучающаяся на лечебном факультете заявляю: у травоманов не бывает такой отменной физической формы — это первое, а второе — у них нет сил на повышенную учебную нагрузку, о которой упоминается в характеристике куратора. Я повторяю свой вопрос, а смеяться Вы будете потом.

— Леди была невысокого роста, тоненькая, — начал рассказывать адепт, как только закончилась моя тирада, а в кабинете наступила тишина, — длинные белые волосы. Огромные синие глаза, правильные черты лица, чувственный рот, — он закрыл глаза, и я поняла, что он вызывает образ в памяти, — когда она улыбалась, были видны мелкие, как у белки, зубы. Ее рука лежала на плече покойного Хурина Мордерата, длинные пальцы и ярко-синий лак на ногтях. На голове ее был интересный гребень, она его взяла в руку и водила по шее заместника, причем улыбка в тот момент была столь чарующей, кажется, ему понравилась ее шалость, он тоже заулыбался. И мне показалось, что его забавляло присутствие леди, он сыпал разными подробностями из своей служебной деятельности, приводил примеры, это напоминало, — он на мгновение остановился и

посмотрел на меня, — когда юноша желает произвести впечатление на девушку, он как павлин разворачивает свой хвост и выводит рулады во все горло.

— Бред, — заявил следователь Кай, — это не подтверждается показаниями адептов. Никто из них не видел эту леди, но все говорят о трех вазах с цветами.

— Лорды, я правильно поняла из материалов вскрытия, что царапина, через которую проник яд, была обнаружена на шее? — задала я вопрос, не обращая внимания на высказывания следователя.

— Именно так, — подтвердил Вулфдар.

— Тогда идем дальше, — произнесла я, — Гвен, примерно, когда леди водила гребнем по шее Хурина?

— Ну, незадолго до его прощания с нами, — задумчиво ответил он, — минут за десять-пятнадцать. Знаете, перед этим была такая интересная сцена, она положила ему ладони на шею, пальчиками вверх и стала продвигать их по шее к лицу, медленно-медленно. У лорда глаза стали огромными, я так понимаю это была такая нежность... мне сложно сказать, не приходилось подобного переживать... а затем пришла очередь гребня...

— А почему Хурин Мордерат попросил Вас задержаться, как это вообще произошло? — задала

я следующий вопрос.

— Когда встреча началась, он предложил каждому из нас подняться и назвать имя и фамилию. Когда я поднялся и назвал себя, Хурин спросил, не сын ли я лорда Гевеля Лангедока. Я подтвердил, — начал объяснять юноша, — а когда встреча закончилась и мы стали прощаться, он попросил меня задержаться. Сказал, что у него есть вопрос ко мне. Я остался стоять, а когда все вышли, Хурин спросил, как поживают мои родители. Что мне оставалось кроме как ответить, что не знаю, где моя мама, а у отца другая семья? И вообще, я полукровка, и потому уверен, что Хурин Мордерат даже не знает, кто она. Он посмотрел на меня долгим, странным взглядом и сказал, что мой отец — достойнейший человек, прекрасный дипломат, и я должен им гордиться. Этот разговор был мне неприятен. Я поблагодарил его и попросил разрешения прекратить общение, он кивнул головой. Я, попрощавшись, пошел к дверям, но только переступил порог — он упал. И меня сразу же задержали.

— Понятно, а ответьте, пожалуйста, Ваша замкнутость и одиночество связаны с даром тайновидения? — спросила я, уловив краем глаза усмешку следователя и одобряющую улыбку супруга.

— Леди Тримеер, — насмешливо начал

следователь, — а много ли Вы знаете людей именно с таким даром, который Вы подразумеваете, задавая этот вопрос?

— Кай, — вмешался лорд Тримеер, — в этом кабинете минимум один имеющий его, а если леди права, то их двое.

— Вы шутите, лорд Тримеер? — изумился тот, — не может быть. Это же редкость, таких случайностей не бывает.

— Случайностей вообще не бывает, — устало произнес Гвен Лангедок. — Когда Вы обнаруживаете, что видите больше, чем окружающие вас люди, то в какой-то момент понимаете: единственная защита — одиночество. В противном случае непонятно, чего можно ожидать.

— Когда Вы обнаружили этот дар у себя? — задала я следующий вопрос, — и с чем связана холодность в отношениях с отцом и отказ посещать как его, так и дом Вашей матери?

Юноша внимательно смотрел на меня и молчал, что-то решая для себя.

— Видана, — произнес он, хотя мое имя не называл никто, — Вам повезло. У Вас есть человек, которому Вы можете доверять. А что будет со мной, если сейчас я скажу все, а информация уйдет на сторону?

— Гвен, информация не выйдет за стены этого заведения, — спокойно ответил лорд Тримеер, —

почему Вы решили, что так должно случиться?

— Не знаю. Мне кажется, что довериться кому бы то ни было для меня смерти подобно.

— Вы не сможете всю жизнь молчать, — сказал Вулфдар, — чем быстрее будет раскрыто это дело, тем больше у нас возможностей помочь Вам в будущем.

— Гвен, я правильно понимаю, что на самом деле леди видел еще один адепт? — спросила я, — это Мердок Зархак?

— Да, она прекрасно понимала, что мы ее видим, и кидала чарующие улыбки. Мердок внимательно наблюдал за ней, делая вид, что стенографирует беседу, и когда леди водила гребнем по шее, по губам Зархака скользнула мимолетная улыбка. И он одним из первых постарался покинуть приемную Мордерата.

— Я родился внебрачным ребенком. — И чуть помолчав, продолжил он, — родители учились вместе, в Академии. Отец из древнего могущественного рода, мать — из тех, кого называют полукровками. Моя бабушка — ведьма, а дед — из касты военных. Жениться, как я понимаю, моему отцу не позволили, но и он не больно-то рвался. Мне был месяц, когда мама, забрав свои вещи, уехала в неизвестном направлении. Я даже не помню, как она выглядела. Бабушка потом сказала, что она стала ведьмой и живет где-то на границе

империи. Меня воспитывали дед с бабушкой, жили мы на заставе. Я рано начал понимать, что отличаюсь от окружающих, видел больше, чем было нужно, слышал больше, чем положено. Дома все больше молчали, дед успевал накричаться на службе, а бабушка сама по себе молчунья, потому я и не озвучил ничего. Читать, писать меня научила бабушка. Мы с ней в лес частенько ходили за травами и у озера посидеть, она общалась с водными жителями. Подходило двенадцатилетние. И однажды дверь в избу распахнулась, мы обедали, вошел мужчина. Дед в лице изменился, а бабушка поднялась спокойно, поздоровалась и спросила, что, мол, наше время вышло, твое пришло? Мужчина ответил: «Да, я забираю сына, ему нужно пройти испытания в Академию». В тот же день я оказался в Академии, пройдя испытания, попал на финансовый факультет. Отец признал меня, оформил соответствующие документы. Но я видел, что делает он это потому, что у него нет детей. После того, как я начал учиться, у них с женой родилась дочь.

— А однажды, я был на третьем курсе, ко мне подошла леди Лавиния, преподаватель травологии, и передала письмо от матери. Якобы она была в экспедиции и встретила там ее. Я поблагодарил и, взяв его, прочитал в своей комнате. Мать желала, чтобы я регулярно посещал отца и писал ей о том,

что увижу, услышу о его профессиональной деятельности. Если до этого я отнекивался от появления в имении отца, то после получения письма тем более не собирался там появляться. При нашей очередной встрече, он прилетел в Академию, я попросил больше меня не посещать и сказал, что и сам не собираюсь появляться у них. Ничего объяснять, несмотря на требования отца, я не собирался по одной простой причине: дар свой я осознавал слишком ясно, чтобы позволить им узнать об этом. Я не оболещался: сам по себе, такой как есть, я не нужен никому. Дар, всем нужен только он! Да, пришлось подналечь на физическую подготовку, живым я не сдамся, но и быть пешкой в шахматных партиях наших магических родов тоже не намерен.

— Но ты осознаешь, что о твоём даре известно? — спросил следователь, — в противном случае тебя бы так не подставляли.

— Конечно, осознаю, — ответил юноша, — леди Лавиния подходила ко мне неоднократно. Уговаривала навещать отца, не быть неблагодарной скотиной, писать матери. А я видел за ее обликом благочестивой, доброй леди звериный оскал. Видел, как она пыталась считывать с меня информацию, и я кормил ее думами о ссоре с отцом, моей ненависти к нему. Леди, клюнув на эту информацию, начинала меня увещевать, что нельзя

так поступать, нужно повиниться, помириться и общаться с ним.

— Лорд Тримерер, — дверь распахнулась, и на пороге появился Антоний, — простите, прерываю, но к Вам рвется лорд Гевель Лангедок.

— Антоний, пригласите его, — ответил лорд и, глядя на бледнеющее лицо адепта, сказал, — Гвен, не переживайте, давайте разбираться до конца. Он же прилетел Вас вытаскивать. Как выясняется, не так Вы и безразличны своему отцу.

Дверь снова распахнулась, и на пороге появился мужчина возраста Тримерера. Гвен Лангедок был как две капли воды похож на отца.

— Проходите, лорд Лангедок, присаживайтесь. Вот сюда, — лорд Тримерер показал на стул неподалеку от себя. Таким образом, Гвен оказался наискосок от отца, — как Вы быстро, а как же заграничная командировка?

— Доброе утро! — поприветствовал лорд, усаживаясь на предложенный стул и не отводя глаз от сына. — Да, я был в командировке. Ваше сообщение пришло вовремя, лорд Тримерер. Как только все дела были улажены, и мое присутствие более не требовалось, я вернулся. И хочу быть в курсе происходящего с моим сыном.

— Ваш сын задержан по подозрению в убийстве Хурина Мордерата, — начал следователь Кай, — но тут появилась юная, вредная особа,

которая умудрилась своими вопросами развалить всю версию случившегося. И она сегодня не покинет канцелярию, пока не предложит иную версию происшедшего.

— А Вы, лорд следователь, сразу попросите у леди Виданы имя убийцы, — неожиданно сказал Гвен, — и она его назовет. Вопрос только в том, как Вы ее искать будете?

— Да, имя назвать не проблема, — согласилась я, — вопрос в другом: Вы как дальше жить собираетесь, Гвен?

— Так, я не понял, — непонимающе смотрел на всех лорд Лангедок, — с Гвеном что? Вы его отпускаете или как? В то, что он виновен, я не верю. Зря ты, — развернулся он к сыну, — в нашу последнюю встречу закрылся и какие-то несуразности понес. Я с самого начала знал, что ты получил дар тайновидения. Свою вину не отрицаю, с возрастом умнеешь, нужно было сразу забирать тебя к себе.

— Интересно, а как бы ты это сделал? — усмехнулся Гвен, — забрал новорожденного у матери и все?

И вот тут наступила т — а — к — а — я тишина. Лорд Тримеер в упор смотрел на лорда Лангедока, а тот на свои руки.

— Гевель, Вы долго скрывать правду от юноши собираетесь? — сухо спросил Тримеер.

— Ольгерд, тебе легко говорить, — неожиданно хрипло произнес лорд, — а я не представляю, как это можно сделать через столько-то лет. Он и так меня не любит ни за что, так вообще возненавидит.

— А лучше будет, если он сам до сути докопается? — поинтересовался Тримеер, — Кай, Вулфдар, покиньте нас минут на двадцать. Это к делу не относится, сейчас они точки над і расставят, и можно продолжить.

— Ольгерд, мы не будем возвращаться, — сказал Вулфдар, — с адептом все ясно. Красиво так подставили, начинаем отрабатывать другие версии. Видана, имя назови.

— Цветущая вишня, нужно по внешнему описанию среди фрейлин во дворце поискать, — ответила я. Вулфдар кивнул, и они со следователем покинули кабинет Тримеера.

— Гевель, нам выйти? — спросил Тримеер.

— Нет, не нужно, — произнес он и замолчал.

— Если с меня обвинение снято, я могу быть свободен? — спросил Гвен, — и могу уйти?

— Можешь, — подтвердил Тримеер, — только куда?

— Улечу в Академию и вернусь к занятиям, — ответил юноша.

— Гвен, и сколько ты проживешь? День, два? Нет, вернись в Академию ты сможешь только

через несколько дней, не раньше, — пояснил Тримеер, — а до этого тебе нужно где-то находиться. И судя по всему, чтобы сохранить твою жизнь, придется вернуть тебя в камеру.

— Нет, Гвена я заберу домой, — сказал лорд Лангедок.

— Заберешь, но только в том случае, если сейчас расскажешь сыну все, что произошло на самом деле.

В кабинете вновь наступила тишина, лорд Тримеер откинулся в кресле и, положив вытянутые руки на стол, наблюдал за лордом Лангедоком.

— Гевель, не тяни, — попросил он, — это бесполезно.

— Гвен, — мучительно подбирая слова и бледнея, произнес лорд Лангедок, — ты не полукровка. Ты самый что ни на есть чистокровный потомок двух древних родов. Мы с твоей матерью безумно виноваты перед тобой, но я больше. Ты воспитывался в семье кормилицы, я признал тебя сразу, как только ты родился. Но не должен был соглашаться ни на чьи условия, мне следовало забрать тебя к себе, воспитывать самому. И пусть бы матери потенциальных невест решали, готовы они своих дочек отдавать за мужчину, у которого есть ребенок или нет.

— Вы были молоды? — спросил такой же бледный, как и отец, Гвен, — сколько лет вам

было?

— Гвен, мы были юными, но отвечать за свои поступки обязаны, — и снова замолчал.

— Отец, продолжай дальше, — потребовал юноша, — не тяни. Кто моя мать? Я ей совсем был не нужен?

— Гвен, — спокойно сказал лорд Тример, — постарайся понять, твоей матери вообще мало кто нужен. Ты и родился потому, что не стали рисковать ее здоровьем. Наоборот, посчитали, что ей это пойдет на пользу.

— Твоя мать Цецилия Мордерат, — с трудом проговорил лорд Гевель. — Я дал слово, что ни я, ни ты не будем мешаться под ногами. Как только ты родился, я отвез тебя к кормилице. И была придумана история, что ты родился от ведьмочки. Я всегда знал, как ты растешь, чем интересуешься, но сделал грубейшую ошибку, не оставив тебя с собой, за что и расплачиваюсь.

— Получается, Хурин Мордерат — мой дед? — совершенно глухим голосом спросил Гвен. — Потрясающе... какие же вы все жестокие. Вам хоть кого-нибудь жалко бывает, кроме самих себя? Одна в четвертый раз замуж вышла, ты... — он замолчал и закрыл лицо руками.

— Гвен, жизнь такая, какая есть. Никто не обещал, что она будет безоблачной. Да, порой дары, полученные при рождении, мешают нам вести

образ жизни, какой, может быть, и хотелось, но нужно их развивать и выстраивать свою жизнь в соответствии с ними. Коль много дано, то и платить придется больше, чем остальным. Тебе обидно и тяжело, я понимаю, поверь, — сказал лорд Тримеер, — но давай исходить из того, что ты жив и здоров. А все дальнейшее зависит только от тебя. Родственники и близкие люди могут помочь, но решить, как тебе жить дальше, они не в состоянии.

— Лорд Тримеер, — Гвен поднял на него измученные глаза, — Вы о каких родственниках говорите? У меня есть отец, но даже ему я не могу сказать...

— Что у тебя при повышении температуры тела вместо человеческих глаз кошачьи зрачки? — спросил Тримеер.

— А Вы откуда знаете? — опешил юноша, — хотя да, Вы можете знать — первая ищейка империи. А ничего, что девушка, находясь здесь, все это слышит?

— Моя жена знает все, — ответил лорд, — в том числе и об этой особенности рода Мордерат. Давай знакомиться, мой юный племянник, я сводный кузен твоей матери.

— Вы? Лорд Тримеер... — юноша смотрел на него во все глаза, — Вы протягиваете мне руку?

— Гвен, мы родственники. Это данность, с которой будем считаться. И я не намерен выпускать

тебя из вида, в том числе и в связи с твоим редким даром. Конечно, догадайся ты, что тебе нужно прийти к нам в канцелярию, и этого недоразумения можно было избежать, — пояснил лорд, — но как бы то ни было, ты не одинок.

— Лорд Ольгерд, — спросил Гвен, — Вы сказали, что в кабинете минимум один, владеющий даром тайновидения, Вы о ком говорили?

— О Видане Тримеер, — спокойно ответил он, — у моей жены такой же дар, Гвен. Сейчас ты понимаешь, что действительно не одинок? Гевель, — Тримеер смотрел на лорда Лангедока, — давай переведем юношу в Академию магических искусств. Ему учиться еще три семестра, вместе с Локидсом Мордератом и окончат факультет.

— Ольгерд, я согласен на все, лишь бы у Гвена была возможность спокойно доучиться и определиться в жизни. Ну и конечно, хочу наладить с тобой отношения, — смотрел он на сына, — какой ни есть, но я твой отец.

Юноша смотрел на всех удивленными глазами, а затем, тряхнув головой, как будто отгонял наваждение, произнес:

— Я не против перевода в Академию магических искусств. О Локидсе слышал, говорят, он талантливый финансист. Хурин Мордерат им очень гордился, но захочет ли он со мной общаться?

— А это мы поручим леди Тримеер, — улыбнулся супруг, — она сумеет вас познакомить так, что твой сводный дядя не откажется от общения, более того, еще и подружится.

— Ольгерд, а что, юноше скажут, кем ему приходится Гвен? — спросил лорд Гевель, — но ведь это нарушение всех договоренностей.

— Гевель, после гибели Хурина Мордерата о некоторых договоренностях придется позабыть, — ответил Тримеер. — И если леди Цецилия попробует только предъявить претензии, то отвечать ей придется перед теми, кому это совсем не понравится. Гвена забираешь домой, он не должен больше появляться в Академии Радогона Северного, его вещи вам доставят.

В дверь постучались, и вошел ректор Академии магических искусств лорд Артур Эрмитас.

— Добрый день, — поприветствовал он всех и, подойдя ко мне, сел рядом. — Виданка, тебе после ранения муж даже отдыха не дает. На службу вытащил, какой он жестокий. Ну и зачем меня пригласили? — уточнил он у Тримеера, — адепт не мой.

— Фактически твой, — поведал тот, — принимай заявление от лорда Гевеля Лангедока о переводе его сына, Гвена, на шестой курс финансового факультета.

— Ух ты, Ольгерд! Мне племянница спокойной жизни не дает, так ты еще одного такого предлагаешь взять, — отпарировал ректор.

— Вы против моего перевода в Академию? — упавшим голосом спросил Гвен.

— Хм, адепт Лангедок, а кто моего согласия спрашивает? Главный попечитель отдал приказ, мое дело исполнять, с ним ведь спорить бесполезно, — хмыкнул тот, — конечно, не против. Кто же от даровитых адептов отказывается, они — гордость и украшение любой Академии. Я вон был против адепки, все пытался ее в Академию Радогона Северного спровадить, но что бы мы сейчас без нее делали? Лорд Гевель, пишите заявление. К ректору Дарию Киру сам отправлюсь.

— Да зачем? Он здесь с минуты на минуту будет, — сказал Тримеер, — ему на допросах некоторых адептов присутствовать придется. Вы здесь пока посидите, — он поднялся из-за стола и направился к выходу из кабинета, — я проверю, всех ли доставили к следователям.

— Ну что, адепт, — смотрел на него ректор, — к учебе приступаешь сразу после выходных. Комнату тебе выделяют, так что прибывайте с отцом вечером накануне учебы.

— Видана, а Вы на каком факультете учитесь? — спросил Гвен, — я смотрю и не могу понять.

— Она на трех факультетах учится, — ответил за меня ректор, — потому и сливается все в твоей картинке. Виданка, кого за адептом закрепить? — улыбнувшись, спросил он. Лорд Гевель поднял глаза от свитка, на котором писал заявление, и с ожиданием смотрел на меня.

— Лорд Эрмитас, Локидса, и привет ему от меня. Так и передайте: личная просьба адепки Тримеер подружиться с адептом Лангедоком. А я вернусь, и дальше разберемся, что к чему.

— Хм, ты уверена, племянница? Опять секреты какие-то, да? — подозрительно спросил он.

— Ой, да ладно, какие секреты? А кстати, — обратилась к лорду Гевелю, — на седьмом курсе факультета боевой магии адепт Лангедок учится, он Вам кем приходится?

— Это мой племянник, — ответил он, — сын моего старшего брата. Юноши не знакомы друг с другом по причине того, что Гвен отказывался появляться у меня дома.

— Ну, познакомятся, — спокойно произнес ректор. — Я правильно понимаю, что в круг твоих названных братьев попадет и этот адепт? Вы не удивляйтесь, — сказал он Лангедокам, — у нашей Виданки пол — академии родственники, и кто из них по крови, а кто названный — уже и не разберешь.

— Если меня примут в число названных

братьев, — заулыбался Гвен, — то я не откажусь. Буду только рад.

— Гвен, а ты с Эженом-Франсуа Норбертом знаком? — спросила я.

— Да, он на боевом факультете учится. Мы с ним частенько после основных занятий на полигоне тренировались, он тоже домой практически не ездил, так что мы общались. Хороший юноша, а что такое? — спросил он, — я после каникул никого не видел, здесь, в камере, сидел.

— Он в нашей Академии, — сказал ректор, — перевелся на каникулах. Если ваше общение было хорошим, то вот, уже друг есть. Сейчас по обмену адептами у нас девять человек из Академии Радогона Северного. Правда, финансистами мы не обменивались, но знакомые лица ты увидишь.

Распахнулась дверь, и вошли лорд Тримерс с ректором Дарием Киrom, который внешне, на первый взгляд, был действительно жутко уродлив, но его глаза были необычайно умными, пронзительными. Первое впечатление стало отступать, и я увидела привлекательного мужчину среднего возраста, который, мгновенно поймав мой взгляд, улыбнулся и уточнил у Тримерса:

— Ольгерд, я правильно понимаю, что эта юная леди и есть твоя таинственная супруга, обладающая, как и адепт Лангедок, даром тайновидения?

— Да, это она и есть. Присаживайтесь Дарий, я долго не задержу. Лорд Гевель, как вижу, заявление о переводе сына уже написал.

— А откуда, ректор, Вы узнали о том, что этот дар у меня есть? — удивился Гвен.

— Хм, адепт, но должен же быть хоть кто-то, кто знает о тебе чуть больше остальных, — продолжал улыбаться Дарий. Прочитав заявление лорда Гевеля, сразу подписал и передал лорду Эрмитасу со словами, — Артур, жадный ты, второго адепта с начала семестра забираешь к себе. Вот нет, чтобы мне кого отдать.

— А что, леди Альфидию на преподавание хочешь? — мгновенно расщедрился Эрмитас.

— А вот сейчас ты злой, Артур, — ухмыльнулся Дарий, — матушка моей жены пусть у тебя и преподает. Боюсь, не поймет она своего счастья. Посчитает, что ты адептку одну от нее спасти пытаешься. Все уши прожужжала на днях, мол, девушку талантливую обнаружила. В аспирантуру на «Ведьмологию» желает ее. Сказала, все силы приложит, но заполучит ее в аспирантки.

— Ага, и кто же Виданке позволит на этот спецкурс пойти? — развеселился Эрмитас, — адептка, я на правах твоего родственника не разрешу. Впрочем, я-то чего переживаю? Тебя муж туда не пустит.

— Вот именно, — улыбнулся Тримеер, —

родственник, успокойся. У тебя забот других полно, вот еще один адепт появился. А с леди мы сами разберемся, что и как.

— Мда, Ольгерд, так это и есть девушка талантливая? — расхохотался Дарий. — Альфидия тебе не простит этой подлости, она за Латону сколько на тебя бесилась, четыре года? Значит, здесь все лет десять будет.

— Ну, так я тебе и предлагаю, забирай, — лорд Эрмитас весь засветился, — не хочешь? Жаль! Виданка, готовься отбиваться от леди Альфидии.

Дверь приоткрылась, и показался Антоний.

— Лорд Тример, всех адептов доставили. Лорд Вулфдар просит ректора Дария Кира и Вас присутствовать.

— Спасибо. Антоний. Мы сейчас будем, без нас не начинать, — сказал Тример и повернулся к Лангедокам.

— Так, с вами мы все решили. Гвен, после выходных на учебу в Академию магических искусств. Гевель, огромная просьба: до этого момента сына одного никуда не отпускать.

— Спасибо, — поблагодарил лорд Лангедок, — мы сейчас домой. Для Гвена давно приготовлена комната. Уверен, ему понравится.

Они попрощались и покинули кабинет, в нем остались я, лорд Тример и оба ректора.

— Родная, может, тебя домой отправить? — спросил он у меня.

— А можно я останусь здесь? На допрос хочу напроситься, — тихо ответила, краем глаза заметив, как ректор Эрмитас начал прикусывать губы, чтобы не засмеяться.

— Ну, семейка, — ухмыльнулся он и невинно поинтересовался, — вы в первую брачную ночь тоже о расследованиях говорили?

— Ох, дядюшка, какой Вы вредный и любопытный. Лорд Тример, и не нужно меня отправлять с ним в сторону дома, я останусь с Вами, — отправилась в соседнюю комнатку, попудрить носик. Когда я вышла через пару минут, в кабинете был только лорд Тример.

— Пойдем, посажу тебя в одну комнатку. Все будешь видеть и слышать, но тебя не увидит никто, — улыбнулся муж, обнимая, — затягивает процесс или не хочешь со мной расставаться?

— Не хочу расставаться, — призналась я, за что получила поцелуй. Меня взяли за руку и отвели в потайную комнату, откуда я могла наблюдать весь допрос.

В потайной комнате была прозрачная стена, за которой был кабинет, где стояли стол и несколько стульев. За столом сидел юноша и Дарий Кир, напротив — следователь Кай и лорд Вулфдар, в кабинет вошел Тример, и допрос начался. В

потайной комнате стояли три кресла, в одно из которых я тихо опустилась, приготовившись внимательно слушать.

— Добрый день, адепт Зархак, — начал следователь, лорд Тримеер сидел несколько в стороне, держа в поле видимости всех, находящихся за столом, — мы пригласили Вас по поводу беседы с Хурином Мордератом. У нас появились дополнительные вопросы. Всех адептов, присутствовавших при этом, допрашивают.

— Как странно, а мы были уверены, что дело уже раскрыто и убийца в камере. А вы лорды, оказывается, так плохо работаете, что по новой начинаете расследование. Или папочка Гвена Лангедока решил вспомнить, что у него есть внебрачный сынок и подключил все свои связи, чтобы его выволить из этой беды, а кого-то из нас сделать козлом отпущения? — язвительно начал адепт Зархак, — ну, лично у меня таких защитников не имеется. Мы род скромный, заслугами не хвастаемся.

— Что-то Вы адепт больно разговорчивы и язвительны, — удивился ректор Дарий Кир. — Если мне память не изменяет, Вы страдаете застенчивостью, а тут выясняется, что в критических ситуациях она мирно засыпает и на первый план выходит классическое хамство.

— Ну что Вы, ректор, меня защищать некому.

Связей такого уровня, как у папашки Лангедока, не имеется, остается только самому отбиваться, тут уж не до скромностей.

— Это все прекрасно, адепт, — прервал его словесный поток следователь, — на вопросы отвечать будем или остроумием блистать продолжите?

— А у меня есть выбор? — съязвил Мердок, — задавайте вопросы. Что вспомню, отвечу, но что не помню, не обессудьте: время прошло, могу и упустить что-либо.

— Адепт, а Вы даром тайновидения обладаете? — спросил Вулфдар.

— Нет, — мгновенно ответил тот, — этот дар очень редок в магическом мире, и за свою жизнь я не встречал магов, имеющих его. В нашем роду тайновидцев нет.

— Хорошо, спасибо, идем дальше. Давайте вспомним, как вы все оказались в приемной, что там увидели, и как началась встреча, — продолжил спрашивать следователь.

— Да ничего особенного, встреча как встреча, — пожал адепт плечами, — богатый, облеченный властью глава Финансовой канцелярии снизошел до адептов финансового факультета, чтобы в очередной раз подобрать кадры в свою структуру на низшие должности. Он сыпал историями, улыбался, много шутил. Наверное, в

предвкушении прекрасного вечера в обществе какой-нибудь белокурой красотки, — язвительно добавил он, — мы были так, разминкой.

— В каком смысле? — удивился ректор. — Хурин Мордерат всегда с удовольствием общался с адептами, готовился к этим встречам. Что Вас так обидело?

— Ой, ну да ладно, ректор, — снисходительно произнес адепт, — покровитель театров, финансист Хурин Мордерат и в общении с нами зарабатывал очки. Пиарился как мог, его некоторые обожали, в рот готовы были смотреть. Верили каждому его слову.

— Адепт, сколько ваз с цветами стояло за спиной Хурина? — внезапно задал свой вопрос лорд Тримеер, — быстро, не раздумывая.

— Две. Нет, ошибся, три. Конечно, три, — начал оправдываться адепт, — не сбивайте меня.

— А откуда Вам это известно? — лениво произнес лорд Тримеер, поднимаясь и подходя к столу, — вот перед Вами лежит план приемной, покажите, где сидели Вы? Вот здесь? — он смотрел на палец адепта, упершегося в свиток, — но с этого места, юноша, Вам была видна только одна ваза, крайняя слева. А та, что за креслом Хурина и справа, оттуда не видны. Я повторяю вопрос: сколько ваз с цветами стояло за спиной покойного?

— Три, — ответил адепт.

— Хорошо, а откуда Вам это было известно? — продолжал спрашивать Тримеер.

— Я видел, — уперся Зархак, — собственными глазами.

— Исключено, адепт. Если Вы не подходили к креслу Хурина Мордерата, а сидели именно там, где показали, Вы не могли видеть две вазы, только одну, слева. Лорды, задавайте дальше вопросы, — лорд Тримеер вернулся на свое место и продолжил наблюдать дальше.

— Адепт, а почему Вы сказали о белокурой красотке? — спросил Вулфдар.

— Ну, а что такого? — деланно изумился тот, — всем известна страсть Мордератов к роскошным блондинкам. Почему Хурин должен быть исключением?

— То есть Вы клеветеете на покойного, не зная в реальности, так ли это на самом деле? — уточнил следователь.

— Ну, почему не знаю, я слышал сплетню о том, что у Хурина есть подружка, отвечающая названным параметрам, — нагло отвечал адепт.

Что-то мне не давало покоя в наблюдаемой картине, и еще я обратила внимание на странный взгляд Тримеера и ректора Дария Кира, которым они смотрели на адепта. Эти взгляды проходили мимо него, но при этом изучали без устали. Я рассеянно смотрю на адепта, сливаюсь с его

голосом, жестикулирующей рук и неожиданно вижу, что за столом сидит не юноша шестнадцати лет, а мужчина лет тридцати.

— Ольгерд, — мгновенно проносится в моем мозгу, — это не адепт, это его личина. Услышь меня.

Ответ я увидела воочию, на моих глазах руки адепта Зархака мгновенно спеленали магические веревки, нижнюю часть лица закрыла плотная повязка, не позволяющая открыть рта и произнести что-либо. Лорд Тример поднялся, и на месте адепта, личина исчезла, сидел с выпученными от изумления глазами мужчина лет тридцати, в хорошей физической форме. Встать он не мог, веревки связали и ноги.

— Гурт Ольсен, — ахнул ректор Дарий Кир, — да ты головой ударился при падении, что ли? Вместо того чтобы честно служить на границе, ты во что влез, олух великовозрастный?

— Ну вот, сейчас и поговорим, — спокойно усаживаясь за столом, произнес лорд Тример, — а адепта-то куда спрятали? Неужели в Подлунное Королевство отправили от греха подальше? Да ты не стесняйся, думай, голубчик, думай, а мы считывать будем. Нет, и не проси, рот не освободим, чтобы не было желания заклятиями покидаться. Что? Не желаешь общаться? Ну, бывает, — усмехнулся лорд и обратился к

ректору, — Дарий, спасибо, но тебе здесь больше делать нечего, сам видишь, не адепт. Лорды, — он посмотрел на следователя и Вулфдара, — вы позвольте, я супругу домой доставлю и вернусь.

— Ольгерд, — улыбнулся Вулфдар, подмигнув мне через стеклянную стену, — допрос проведем без тебя, потом доложим. А леди да, отправь домой, не нужно ей такое видеть.

На мужчину было жалко смотреть. Кажется, он понял, что ожидает его, как только закроется дверь и кабинет покинут ректор и лорд Тример.

— Родная, — лорд открыл дверь, — все, представление окончено, мы домой.

— Ольгерд, — выходя вслед за ним в коридор, спросила я, — а Ядвига Брекноуг прибыла к своей ученице?

— Дарий, — окликнул Тример ректора Академии Радогона Северного, тот шел по коридору к выходу, — задержись на пару минут. Есть один вопрос.

Мы втроем зашли в кабинет лорда Тримера, и он показал нам на стулья.

— Дарий, тут вот какое дело. Вспомни, не давал ли ты рекомендательное письмо леди Ядвиге Брекноуг, преподавателю по ритуальной магии? — спросил лорд.

— Ольгерд, лично я, — подчеркнул Дарий, — последние лет десять вообще никому не даю

рекомендательных писем. У меня серьезная проблема с доверием, — усмехнулся он, — ты же видишь, сколько лет прошло, а мы никак не очистим Академию от всякой смуты. И главное, откуда только что берется, вроде дети из могущественных родов империи, но вот жаждут крови и все тут. Я Артура спрашиваю: «Как вы с этой заразой справились?». А он только посмеивается и в твою сторону кивает. Может, расскажешь как?

— Дарий, ну тогда тебе нужно на допросе выпускника вашей Академии присутствовать и все встанет на свои места. Вот именно так и действовали, зачинщиков всех выявили и наказали. Не сразу, но кое до кого дошло, игры закончились, и в этом учебном заведении смутьянов уничтожают на корню.

— Ну, тогда понятно, почему вы своих учите только у Артура, — печально заметил Дарий. — Мне как-то говорили, что адептку Берг он пытался отправить ко мне. Почему не отпустил?

— Дарий, Академия магических искусств для нас родная, в ней учились все наши предки с момента ее основания, как я мог Видану отправить в другое заведение?

— Ольгерд, мне поступило устное предложение. В Академию с осеннего семестра предлагают взять несколько адептов из Академии

Цветущей Сакуры. А взамен, такой королевский жест, несколько адептов отправить на финансовый факультет Академии Януса Змееносца, в Подлунное Королевство. — Сказал ректор и попросил, — вы нам попечителей перетряхнуть не хотите? Я думаю, давно пора.

— Кто тебя тревожит? — спросил Тример, внимательно слушая Дария и делая пометки на свитке, — неужели нисходящая линия Мордератов?

— Да, главный попечитель Герний Мордерат, но фактически все функции он передал в руки Гиена, своего единственного сына. А у того идеи хлещут одна за другой. Об обмене студентов с другими странами он мне сказал позавчера. Я так понимаю, что Гиена очень вдохновили заметки о твоём тяжелом ранении и смерти твоей подопечной. Скажу больше, кое-кто поговаривал, что ты не оправившись от гибели своей внебрачной дочери, даже если выживешь после ранения. Многие знали: лорд Тример очень привязан к адептке Берг, потому уверенность такая присутствовала. Эти же самые лица вчера пребывали в состоянии прострации после сообщения о твоей женитьбе. Ты выжил. Но какой шок вызвало официальное сообщение в «Императорском вестнике» о женитьбе на адептке Видане Берг, — Дарий довольно ухмыльнулся. — Гиен примчался ко мне в Академию и просил не разглашать его идею, пока

он не уговорит канцелярию образования подготовить официальный указ и они не подпишут его у императора. Ты же понимаешь, Хурина нет, а потому отсутствует сила, способная заблокировать данный документ.

— Ну, я бы так не сказал, — задумчиво ответил лорд Тример. — Дарий, кто тебя устроит в качестве главного попечителя? Ульманас Мордерат подойдет?

— Младший брат Хурина? — уточнил ректор и просиял, — это было бы просто прекрасно.

— Хорошо, я постараюсь решить этот вопрос сегодня же, — пообещал лорд, — Дарий, будь осторожен. Не вступай в открытый конфликт раньше, чем сменится главный попечитель. Ты всех преподавателей проверил, замены ожидаются?

— Да, нам придется подбирать несколько кураторов и преподавателей, — и неожиданно повернувшись ко мне и ослабившись своей страшной улыбкой, ректор сказал, — юная леди, до меня дошла информация, что кто-то выяснял по поводу леди Лавинии, как часто она возвращалась и уходила от нас. Докладываю как на духу: каждые пять лет леди брала неоплачиваемый отпуск и исчезала на два-три месяца, а затем возвращалась и приступала к своей деятельности. И было это, если верить документам, уже раз десять. В виду моей неотразимой красоты, — хмыкнул он, — меня

просили стараться не пугать служащих Академии, потому лично я встречаюсь с ними только чтобы объявить выговор или уволить. Но после выходки одной юной адепки, лишившей нас преподавателя травологии, я решил нарушить эту традицию и общаться с каждым преподавателем лично. Письмо о том, что леди планирует вернуться к осеннему семестру, я Вам вручаю. Написано оно за пару дней до того, как Вы побаловались эльфийской магией и спасли как себя, так и своего троюродного брата.

С этими словами ректор достал свиток и протянул мне, продолжая улыбаться.

— Не пугайтесь, леди. Со свитком все чисто, заклятий и чего-то другого нет. Проверяли в две руки, — сказал он лорду Тримеру, — сначала я, потом Латона подстраховала.

— Преподавателей сам подберешь или Артура подключить? У него в аспирантуре к выпуску несколько человек готовится, — спросил Тример.

— Обращусь к Артуру за его аспирантами, и еще, Ольгерд, дай список Орденов, с которыми нам не желательно контактировать, — попросил Дарий. — Орден плачущих у меня и так в черном списке, но я уверен, их больше.

— Да, мы список подготовим со дня на день. Вот одна особа юная покопается в источниках, и отсечем по возможности всех опасных для учебных заведений, — пообещал лорд.